Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-608-614
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГУЩИН Максим Станиславович,
аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Москва, Россия,
e-mail: badmax2001@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируется процесс трансформации условия о добросовестности владения в институте приобретательной давности, нашедший отражение в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ последних 10 лет. Несмотря на разъяснения высших судов, в судебной практике не сложилось единого подхода к рассматриваемому вопросу, что обуславливает актуальность выбранной темы.*

На примере ситуаций «неформальных» отчуждений недвижимости и приобретения выморочного имущества по давности владения разбираются новые критерии для признания давностного владельца добросовестным, затрагиваются вопросы выражения отказа от права, дается оценка взаимодействию собственника и давностного владельца в процессе приобретения права собственности по приобретательной давности, очерчиваются границы поведения добросовестного давностного владельца.

Автор приходит к выводу о наличии процесса дифференциации общего понятия добросовестности применительно к отдельным институтам вещного права, и объективизации условия о добросовестности применительно к институту приобретательной давности.

Ключевые слова: *вещное право, приобретательная давность, приобретение права собственности, добросовестность, субъективная добросовестность, объективная добросовестность, владение.*

Для цитирования: *Гущин М. С. Трансформация добросовестности в приобретательной давности // Образование и право. 2026. № 10. С. 608–614.*

GUSHCHIN Maxim Stanislavovich,
Postgraduate student of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF GOOD FAITH IN ACQUISITIVE PRESCRIPTION

Annotation. *The article analyses the process of transformation of the good-faith possession requirement in the institution of acquisitive prescription, as reflected in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation over the past 10 years. Despite the clarifications provided by the higher courts, judicial practice has not developed a uniform approach to the issue under consideration, which accounts for the relevance of the chosen topic.*

Using the examples of «informal» alienations of real estate and the acquisition of escheat property by acquisitive prescription, the article examines new criteria for recognising a long-term (acquisitive prescription) possessor as a good-faith possessor, addresses the issues of expressing a renunciation of a right, evaluates the interaction between the owner and the long-term possessor in the process of acquiring ownership by acquisitive prescription, and outlines the boundaries of the behaviour of a good-faith long-term possessor.

The author concludes that there is a process of differentiation of the general concept of good faith in relation to individual institutions of property law, as well as an objectification of the good-faith requirement in relation to the institution of acquisitive prescription.

Key words: *property law, acquisitive prescription, acquisition of ownership, good faith, subjective good faith, objective good faith, possession.*

For citation: *Gushchin M. S. Transformation of good faith in acquisitive prescription. Education and law. 2026;(10):608–614. (In Russ.).*

Российский правопорядок дает возможность приобретать право собственности по давности только добросовестному владельцу, при этом условия давностного приобретения в законе не раскрываются. Данное обстоятельство, являющееся основной проблемой для единообразного понимания института приобретательной давности, порождает в юридическом сообществе дискуссию, в которой можно выделить два основных вопроса: нужно ли приобретательной давности условие о добросовестности владения, и, если ответ положителен, каково должно быть внутреннее содержание добросовестности.

В настоящей статье мы сосредоточимся на втором вопросе, полагая, что полное исключение условия о добросовестности из института приобретательной давности, заявленное в рамках проекта реформирования вещного права [4, с. 50], в ближайшем будущем не планируется ввиду продолжающегося развития его судебного толкования [5, с. 126-127].

Первое официальное разъяснение условий приобретательной давности было дано в совместном Постановлении ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010 [15] (далее – Постановление № 10/22). В нем был сформулирован подход, распространяющий понимание добросовестности приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя на давностного владельца. Добросовестность в приобретательной давности, таким образом, вошла в ряд частных случаев проявления субъективной добросовестности, выраженной в извинительном заблуждении лица об отсутствии перехода к нему права собственности (формула «не знал и не мог знать»). Субъективный стандарт добросовестности ограничил круг применения приобретательной давности заблуждением по поводу фактических обстоятельств, выводя из-под действия рассматриваемого института многочисленные случаи, в которых давностный владелец знает об отсутствии у него надлежаще оформленного титула, но соблюдает остальные условия приобретения по давности.

Видя в такой ситуации наличие определенного дисбаланса защиты интересов собственника имущества и давностного приобретателя, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКГД ВС РФ) начала искать новый подход к условию о добросовестности. Черту под поисками в 2020 г. подвел Конституционный Суд, который, консолидировав правовые позиции Верховного Суда в Постановлении № 48-П от 26.11.2020 [13] (далее – Постановление № 48-П), описал логику изменения подхода к добросовестности, разграничив ее понимание для приобретательной давности и ограничении виндикации от добросовестного приобретателя. Основной довод такого решения кроется в различии целей вышеуказанных правовых институтов: целью приобретательной давности является возвращение имущества в гражданский оборот, включая, в частности, его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов. Таким образом, при давностном приобретении, в отличие от ограничения виндикации, затрагивается не только частный интерес, но и публичный. Соответственно, извинительное незнание, закрепленное в составе ст. 302 ГК РФ, не должно являться обязательным условием для приобретения права собственности по давности владения. Высшие суды сделали акцент на возможности приобретения чужого имущества в рамках приобретательной давности, заключив, что в рассматриваемых случаях владелец способен знать об отсутствии у него правового титула. Вышеописанные изменения подхода связываются с экстраординарностью института: приобретательная давность используется только в случаях, когда «нормальная» связь собственника с вещью разорвана, и восстановить ее не представляется возможным из-за подверженности виндикационного требования исковой давности.

В судебной практике было указано на новые критерии для признания владельца добросовестным:

1) отсутствие нарушения чьих-либо прав (в первую очередь прав собственника);

2) соответствие поведения давностного владельца некоему усредненному «стандарту поведения собственника» на протяжении всего срока приобретательной давности.

Оговоримся, что данные критерии мы будем исследовать в рамках двух распространенных ситуаций приобретения по давности, которые рассматривались практикой высших судов:

1) т.н. «неформальные» отчуждения, при которых объекты недвижимости переходят к давностному владельцу по распорядительной сделке с пороком формы (в некоторых случаях к этому прибавляется неуправомоченный отчуждатель);

2) приобретение выморочного имущества (жилого помещения) лицом, связанным с бывшим собственником семейными, родственными или иными связями, не оформившем своих прав на него, но фактически проживающим в спорном объекте недвижимости [14] (сюда же входят споры

о приобретении по давности владения долей в общей собственности).

Перейдем к рассмотрению вышеуказанных критериев. Отсутствие нарушения чьих-либо прав определяется моментом завладения имуществом, которое должно быть непротивоправным; происходить внешне правомерными действиями. Данные критерии были выработаны в Определении СКГД ВС РФ от 20.03.2018 N 5-КГ18-3 [7] и далее воспроизведены в Постановлении № 48-П.

На наш взгляд, непротивоправность завладения можно понимать как отсутствие совершения преступления, правонарушения в отношении собственника при получении владения.

Концепция внешней правомерности ввиду отсутствия конкретики вызывает критику в рядах юридического сообщества: определить границы такой правомерности оказывается затруднительным [18, с. 206]. Можно предположить, что внешне правомерными действиями могут признаваться любые действия, соотносящиеся с волей собственника.

Из вышеуказанных рассуждений следует, что для установления добросовестности владельца важна оценка не только его собственного поведения (что следует из Постановления № 10/22), но и соотносящееся с ним поведение собственника приобретаемой по давности вещи. В сжатом виде весь первый критерий нового подхода можно описать следующим образом: выражая волю на отказ от своего права (далее – дереликция) в пользу владельца, собственник устраняется от имущества, теряя к нему правовой интерес (осуществляет т.н. «неформальную» дереликцию). Владелец же выражает волю на принятие вещи, завладевает ей непротивоправно, на основании определенной связи с собственником (такая связь может быть договорной, или же или же родственной (семейной)). Так, в частности, в Постановлении № 35-П указано, что необходимо учитывать правоожидания приобретения права собственности на выморочное имущество лицами, связанных с бывшим собственником родственными и (или) семейными узами. Значение установления воли на отчуждение имущества связано с внешней правомерностью завладения: если воля собственника изъявлена (например, написана расписка о принятии денежных средств по договору купли продажи, переданы ключи от объекта недвижимости), то владелец завладевает внешне правомерно, действуя в согласии с собственником. При этом правомерность остается мнимой, так как при наличии фактического основания не соблюдены формальные процедуры перехода права собственности.

Стоит оговориться, что даже при расширительном толковании добросовестности в ситуациях занятия чужой собственности без наличия каких-либо фактических оснований владельцу должно быть отказано в приобретении по давности как недобросовестному. Само по себе доброе отношение к вещи легко обнаружить у вора или незаконного оккупанта, установление же воли собственника на отчуждение имущества должно отсечь случаи самозахвата недвижимости.

Изменения можно обнаружить и в отношении понимания дереликции, которая, по мнению высших судов, не обязательно должна производиться путем совершения активных действий, как того требует ст. 236 ГК РФ (в доктрине так же превалирует мнение о невозможности осуществления дереликции путем бездействия [1]). Встает очевидный вопрос: как при отсутствии формализованной дереликции удостовериться, что собственник действительно утратил интерес к спорному имуществу? Высшие суды дают следующие маркеры: устранение от владения; неисполнение обязанностей по содержанию вещи, отсутствие возражений во время судебного разбирательства. Напротив, если титульный собственник занимает активную позицию в процессе, едва ли можно говорить об утрате интереса [8].

Описывая отношение собственника к своему праву, Верховный Суд использует формулировку «фактический отказ от права», которое исходит из длительного неосуществления предоставленных лицу правомочий. Неосуществление права само по себе не ведёт к его утрате, однако может создать предпосылку для этого. Данный тезис был впервые сформулирован в Постановлении КС РФ от 22.06.2017 N 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» [12] и применен к ситуации приобретения выморочного имущества. Впоследствии КС РФ расширил данную позицию на приобретение любого имущества, в т.ч., находящегося на праве частной собственности. Объяснение подобного подхода можно попробовать найти в следующем. Конструкция права собственности не ограничена временными рамками, однако объект такого права (недвижимая вещь) как часть физического мира подвержена износу и деградации с течением времени. Для удовлетворения своего правового интереса обладания недвижимостью собственнику необходимо поддерживать ее в надлежащем состоянии. С точки зрения публичного интереса, субъективное право собственности сохраняет смысл до тех пор, пока его осуществление обеспечивает сохранение вещи в должном виде. Как только связь собственника с вещью утрачивается, вещь начинает деградировать. В этом случае публичная власть должна

быть заинтересована в передаче вещи тому, кто готов нести обязанности по поддержанию вещи (коим является давностный владелец). В этом процессе видится одно из проявлений социальной функции собственности.

Перейдем ко второму критерию, связанному с оценкой действий давностного владельца. Владелец как бы подменяет собственника, встает на его место, принимая набор обязанностей, присущих собственнику, которые в общем виде включают действия по сохранению вещи. Этот аспект владения совпадает с пониманием бремени содержания имущества (ст. 210 ГК РФ): как юридическую обязанность, так и внутреннее стремление лица по использованию вещи как можно дольше (модель поведения рачительного хозяина) [2, с. 610]. При этом собственник, в силу полного господства над вещью, волен отказаться от любых действий по ее поддержанию, однако бремя содержания имущества может рассматриваться и как обязанность осуществлять свое право собственности в соотношении с общим благом. Таким образом, то, что является обязанностью для собственника, может служить доказательством добросовестности давностного владельца в объективном смысле. Отсюда следует, что содержанием объективной добросовестности в давностном владении могут служить конкретные действия по: защите имущества, поддержанию его состояния, преумножению полезных свойств (расширение, перестройка строений, рекультивация земли и тому подобное).

В частности, в одном из дел, рассмотренных СКГД ВС РФ, добросовестность владения доказывалась в том числе исполнением всех обязанностей члена СНТ (как уплату взносов за участок, так и платежей на содержание общего имущества) на протяжении длительного срока [9]. Действия по содержанию имущества, тем не менее, не могут быть фрагментарными; при общем запустении недвижимости (например, ее аварийность) отдельные вложения не ведут к добросовестности [6].

Конечно же, границы поведения добросовестного давностного владельца и собственника не совпадают. Давностный владелец совершает те действия по несению бремени, которые он может осуществить исходя из своего уязвимого правового статуса (так, к бремени содержания имущества относят действия по регистрации имущества, уплате налогов, чего фактический владелец по смыслу института приобретательной давности сделать не может). При этом, возможность приобретения по давности не прекращается в случаях, когда часть расходов на имущество продолжает нести титульный собственник (обозначенная выше уплата налогов) [10].

Проведенные изменения в понимании добросовестности были противоречиво встречены цивилистическим сообществом. Часть исследователей выражает сомнение в позициях, выработанных практикой СКГД ВС РФ и КС РФ, отдавая предпочтение защите собственника, вне зависимости от его рачительности или бесхозяйности по отношению к имуществу. Расширение условия о добросовестности владельца может повлечь за собой увеличение случаев недобросовестного поведения последних, на что неоднократно обращали внимание ряд авторов, в частности, А.Д. Рудоквас [16, с. 46]. Тенденции объективизации добросовестности, придания этому понятию оценочного характера, сторонниками субъективного подхода видятся как размытие единообразного понимания добросовестности в вещном праве, единая трактовка которой сдерживала главный риск, связанный с институтом приобретательной давности – риск легализации злоупотреблений и самозахватов, связанных с имуществом. К.И. Скловский замечал, что изменения в понимании добросовестности без указания ясного юридического состава приведут к произволу при ее применении судами [17, с. 72], что может лишить собственников уверенности в прочности и незыблемости своих прав на имущество [3, с. 81]. Расширение возможности фактических владельцев для приобретения права собственности, исходя из данных рассуждений, может восприниматься как поощрение безответственности последних.

Можно встретить и другие выводы. В частности, Л.В. Щенникова, рассматривая функции института приобретательной давности (в том числе экономическую, социальную), приходит к выводу о необходимости отхода от субъективного стандарта добросовестности как обременительного с точки зрения доказывания [19, с. 719]. А.С. Подмаркова справедливо утверждает, что конструкция правового института, его смысловое наполнение зависит от поставленных перед ним целей, которые, в свою очередь, можно сформулировать по-разному [11, с. 115]. Судебная практика высших судов, выстраивая понимание условия о добросовестности, старается учитывать отечественный экономико-правовой ландшафт: так, Конституционный Суд при разрешении вопросов давностного владения, напрямую указывает на роль состояния «общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан» [14]. Беря во внимание рассмотренное выше, можно утверждать, что целью института приобретательной давности на современном этапе его су-

ществования является защита стабильности гражданского оборота. Она реализуется путем возвращения вещей в гражданский оборот через признание (легализацию) фактического положения дел. Такое признание, в свою очередь, происходит посредством замещения собственника, фактически устранившегося от вещи, на давностного владельца.

Верховный и Конституционный суды РФ привели понимание добросовестности в соответствии с целями, поставленными перед институтом приобретательной давности, что, несмотря на наличие дискуссионных моментов в аргументации высших судов, может положительно сказаться на состоянии гражданского оборота.

По нашему мнению, разграничение добросовестности для целей приобретательной давности и ограничения виндикации помогает лучше учитывать специфику отдельных правоотношений, а возможность объективной оценки критерия добросовестности позволяет применить гибкость к вопросу о возникновении права собственности вследствие приобретения по давности владения.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1) В судебной практике, сформированной Верховным и Конституционным судом за последнее десятилетие, имеет место дифференциация общего понятия добросовестности применительно к отдельным институтам вещного права;

2) Целью института приобретательной давности на современном этапе его существования, согласно рассмотренной судебной практике, является защита стабильности гражданского оборота.

3) Произошла объективизация условия о добросовестности в приобретательной давности, которую можно описать как процесс трансформации понимания добросовестности от извинительного незнания о фактических обстоятельствах к оценке фактических действий собственника на соответствие их определенному стандарту поведения на протяжении всего срока приобретательной давности.

4) Новый «объективный» подход к определению добросовестности предполагает установление двух критериев: отсутствия нарушения чьих-либо прав и соответствия поведения давностного владельца некоему усредненному «стандарту поведения собственника» на протяжении всего срока приобретательной давности. При отсутствии одного из критериев владелец должен быть признан недобросовестным.

Список литературы:

[1] Арыкова К.А. Форма дереликции в отношении недвижимого имущества // Юрист. – 2025. – № 6. – С. 9-14.

[2] Гражданское право: учебник. В 3 томах. Т. 1 / под редакцией А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 1040 с.

[3] Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 67-111.

[4] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11. – С. 6-99.

[5] Мартынова А.А. Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 121-130.

[6] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2026 N 88-17494/2026. // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 07.09.2026).

[7] Определение СКГД ВС РФ от 20.03.2018 N 5-КГ18-3. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/ (дата обращения: 07.09.2026).

[8] Определение СКГД ВС РФ от 22.10.2019 N 4-КГ19-55. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102019-n-4-kg19-55-2-5982018/ (дата обращения: 07.09.2026).

[9] Определение СКГД ВС РФ от 13.05.2025 N 49-КГ25-4-К6. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13052025-n-49-kg25-4-k6-uid-03rs0001-01-2023-001641-10/ (дата обращения: 07.09.2026).

[10] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2026 N 88-14299/2026. // Шестой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases (дата обращения: 07.09.2026).

[11] Подмаркова А. С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 109-137.

[12] Постановление КС РФ от 22.06.2017 N 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_218686/ (дата обращения: 07.09.2026).

[13] Постановление КС РФ от 26.11.2020 N 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/ (дата обращения: 07.09.2026).

[14] Постановление КС РФ от 28.05.2026 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Иваньковой Ольги Константиновны». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535197/ (дата обращения: 07.09.2026).

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 7. С. 27-44.

[16] Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. – М.: Закон, 2011. – 304 с.

[17] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве (6-е изд., испр. и доп.). – М.: Статут, 2023. – 895 с.

[18] Тузов Д.О. Об эксклюзивности и добросовестности владения как условиях приобретения по давности долей в общей собственности // Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сборник статей к 50-летию А.О. Рыбалова / под ред. Г.А. Гаджиева, Д.О. Тузова, А.Д. Рудокваса [и др.]. – М.: Статут, 2023. – С. 186–219.

[19] Щенникова Л.В. Институт приобретательной давности: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 4. – С. 706-723.

References:

[1] Arykova K.A. A Form of Dereliction Regarding Immovable Property // Yurist (The Jurist). – 2025. – No. 6. – pp. 9–14.

[2] Civil Law: Textbook. In 3 volumes. Vol. 1 / ed. by A.P. Sergeyev. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2020. – 1040 p.

[3] Opinion of the Department of Civil Law of St. Petersburg State University on the Draft Amendments to the Section on Property Rights in the Civil Code of the Russian Federation // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. – 2020. – No. 7. – pp. 67–111.

[4] Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation, dated October 7, 2009 // Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11. – pp. 6–99.

[5] Martynova A.A. The Content of Criteria for Acquisitive Prescription in Legal Doctrine and Law Enforcement Practice // Current Problems of Russian Law. – 2022. – No. 12. – pp. 121–130.

[6] Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated July 15, 2026, No. 88-17494/2026 // First Cassation Court of General Jurisdiction. URL: https://1kas.sudrf.ru/ (accessed: September 7, 2026).

[7] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 20, 2018, No. 5-KG18-3 // UIS Legalact. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/ (accessed: 07.09.2026).

[8] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.10.2019, No. 4-KG19-55. // Legalacts Legal Information System. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102019-n-4-kg19-55-2-5982018/ (accessed: 07.09.2026).

[9] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.05.2025, No. 49-KG25-4-K6. // Legalacts Legal Information System. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13052025-n-49-kg25-4-k6-uid-03rs0001-01-2023-001641-10/ (accessed: 07.09.2026).

[10] Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 20.07.2026, No. 88-14299/2026. // Sixth Cassation Court of General Jurisdiction. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases (accessed: 07.09.2026).

[11] Podmarkova A. S. Conditions for Acquisitive Prescription and the Need for Their Reform // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 2. – pp. 109–137.

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 22, 2017, No. 16-P “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provision of Clause 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen A. N. Dubovets.” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/ (accessed: 07.09.2026).

[13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 26, 2020, No. 48-P “On the Case Concerning the

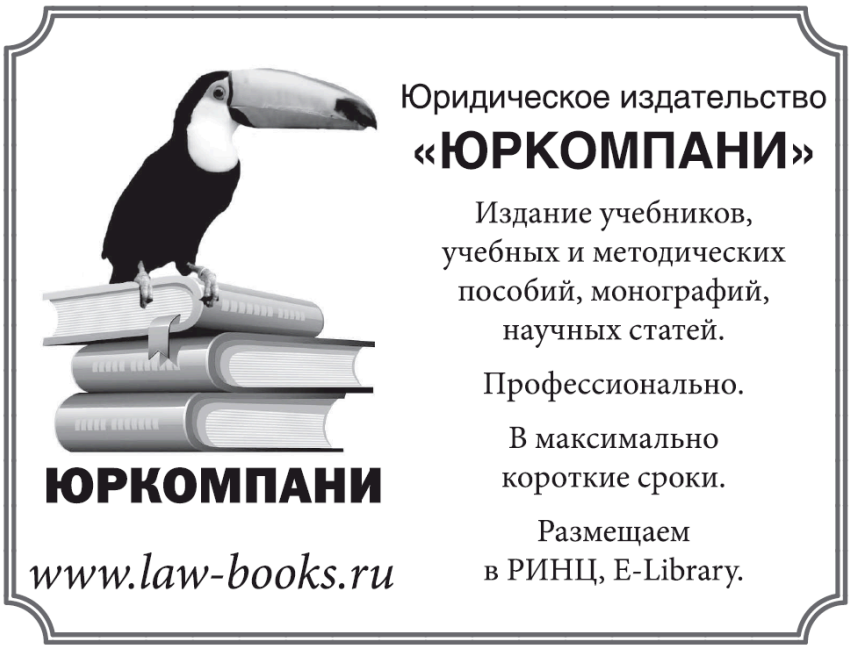
Review of the Constitutionality of Clause 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen V. V. Volkov." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/ (accessed: 07.09.2026).

[14] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 28, 2026, No. 35-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Clause 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen Olga Konstantinovna Ivankova." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535197/ (accessed: 07.09.2026).

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated April 29, 2010, "On Certain Issues Arising in Judicial Practice Regarding the Resolution of Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Real Rights" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2010. – No. 7. – pp. 27–44.

[16] Rudokvas A.D. Contested Issues in the Theory of Acquisitive Prescription: A Monograph. – Moscow: Zakon, 2011. – 304 p.

[17] Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law (6th ed., revised and supplemented). – Moscow: Statut, 2023. – 895 p.

[18] Tuzov D.O. On the Exclusivity and Good Faith of Possession as Conditions for Acquiring Shares in Common Ownership via Prescription // Real Rights: Yesterday, Today, Tomorrow: A Collection of Articles Dedicated to the 50th Birthday of A.O. Rybalov / ed. by G.A. Gadzhiev, D.O. Tuzov, A.D. Rudokvas [et al.]. – Moscow: Statut, 2023. – pp. 186–219.

[19] Shchennikova L.V. The Institution of Acquisitive Prescription: Legislation, Doctrine, and Judicial Practice // Perm University Herald. Juridical Sciences. – 2024. – No. 4. – pp. 706–723.